

ЗНАКОМСТВО С ТЕСТОСТЕРОНОМ РЕКСОМ

Одним знаменательным вечером, за семейным ужином, я упомянула, что пришла пора кастрировать нашего молодого пса. Должна пояснить, что у моего старшего сына странный, недетский интерес к таксидермии. С того момента, как у нас появился бойкий любвеобильный пес, сын принялся рассуждать о том, что, когда тот умрет, он останется с нами не только в наших сердцах, но и в качестве изящного, напичканного формальдегидом чучела в гостиной. Для сына моя фраза о кастрации стала шансом не дожидаться того счастливого дня. В восторге отложив вилку с ножом, он воскликнул:

— Сделаем из его яичек брелок!

Последовали оживленные дебаты о достоинствах предложенной идеи.

Я делюсь сценкой из жизни семейства Файнов по двум причинам. Во-первых, я хотела бы привлечь внимание к тому факту, что я жестко отвергла предложение сына — в пику господствующим представлениям

о феминистках как о женщинах, для которых нет ничего лучше, чем начать рабочий день, открыв кабинет связкой ключей с болтающимися на ней яичками.

Вторая причина — это полезная метафора. Пара яичек, свисающих со связки ключей, привлекает всеобщее внимание, если не завораживает. “Какой у вас брелок”, — говорили бы люди уважительно. И восхищались бы они не брелоком, а мной, поскольку эта деталь характеризует меня как личность. Твои идиосинкразии, сложности, противоречия, твоя похожесть и непохожесть на тех, кто *не* носит гениталии как брелок — все это отодвигается в тень. Ты человек с яичками на ключах.

И именно так привлекает и биологический пол. Мы зачарованы им, мы постоянно помним о нем. И зачастую это вполне уместно. В конце концов, пол — женские у вас гениталии или мужские — очевидно важен для размножения. Но категории пола также первичны в наших представлениях о социальном разделении. Когда рождается ребенок, его пол — обычно первое, что мы хотим знать о малыше, и это последняя демографическая информация, которую вы забудете о человеке. Возможно, поэтому неудивительно, что мы часто думаем о биологическом поле как о важнейшей силе развития, создающей не только два типа репродуктивных органов, но и два типа людей¹.

В основе такого стиля мышления лежит знакомая эволюционная история (метко названная “биологическим обобщением” одним из ее самых ярких критиков, философом науки из Эксетерского университета Джоном Дюпре²). Как мы знаем, двое родителей челове-

ского детеныша вносят глубоко неравный вклад в чудо зарождения жизни. По моим грубым подсчетам, матери отводится почти вся жизнь неизбывной благодарности в ответ на пожертвование пухленькой яйцеклетки, около сорока недель полного пансиона *in utero*, многочасовые схватки и несколько месяцев кормления грудью. Но для отца, который к моменту рождения не дал ничего кроме единственного сперматозоида, быстрый кивок признательности может показаться вполне достаточным. Это фундаментальное половое различие в биологических затратах на ребенка означает, что в нашем далеком прошлом пол требовал разной жизненной стратегии для достижения репродуктивного успеха. И это самый важный аспект — даже сама суть — эволюционной бухгалтерии. Минимальное вложение мужчины в ребенка означает, что он может получать потенциально огромные репродуктивные выгоды от секса со многими женщинами, предпочтительно молодыми и фертильными. Для женщины все не так. В первую очередь ее сковывает доступ к ресурсам, необходимым для заботы о биологически дорогостоящем отпрыске.

Итак, различные версии этой всем известной бухгалтерии поддерживаются в подтипе естественного отбора, называемом половым отбором, — возникающим из преимущества в размножении³, которое иные люди имеют над другими. В результате сформировались разные “сексуальные” характеры. Мужчины эволюционировали в распутников, рискованных и напористых, так как эти качества лучше всего позволяли им накопить материальные и социальные ресурсы, привлекательные

для женщин, и обратить сексуальный интерес в репродуктивный доход. Мужчина мог существовать вполне сносно, оставаясь при одной женщине, но хорошие парни никогда не срывали репродуктивный джекпот. Для женщин, с другой стороны, такого рода хищное стяжательское поведение оборачивалось скорее потерями, чем приобретениями. Некоторые авторы полагают, что в процессе эволюции у женщин развилась стратегия интрижек с генетически превосходными мужчинами — это происходило в фертильную фазу менструального цикла, а цель состояла в получении “хороших генов”⁴. Но доисторические женщины, чаще всего передававшие свои гены, были не склонны к риску: они заботились о своем драгоценном потомстве и не тратили силы на погоню за любовниками, богатством и славой.

Все это кажется холодной, бесстрастной и бесспорной эволюционной логикой. Феминистки могут сколько угодно бранить патриархат и злобно трясти брелочками из яичек — им не изменить основополагающие правила размножения. Им также не изменить каскад последствий этих правил для мозга и поведения современных людей. Эти последствия затронули, как нам постоянно говорят, даже занятия, находящиеся за пределами самых диких фантазий наших предков — например, выращивание клеточных культур в научной лаборатории или путешествие на жуткой скорости в металлической трубе на колесах. Взгляните, например, как психолог Гейсберт Стут из Университета Глазго объясняет гендерное неравенство в сфере науки, технологии, инженерии и математики:

Люди часто оказываются ведомы бессознательными желаниями. В каменном веке для мужчин было полезно быть охотниками, а для женщин — ухаживать за детьми, и природа помогла им, закодировав эти навыки и встроив их в наш мозг. Это до сих пор влияет на то, как мы сегодня мыслим⁵.

Должна сказать, что ни один математик или ученый, которых я знаю, в своих исследованиях мало похож на пещерного человека, с копьем охотившегося на кистеухую свинью, но, конечно, в Глазго все может происходить иначе. И похожую связь между прошлым и неравенством в настоящем обнаруживает автор журнала *Formula 1*:

Человек XXI столетия имеет мозг каменного века.

Люди каменного века, конечно, не участвовали в гонках “Формула-1”, но успехи в выживании и, разумеется, в спаривании привели к тому, что мужской мозг настроился на охоту, агрессивность и любовь к риску. Это было доказано в исследованиях того, как современные мужчины водят автомобиль. Именно поэтому мужчины чаще попадают в аварии со смертельным исходом, чем женщины. Женщины же в прошлом навострились воспитывать и защищать потомство. Конечно, это звучит весьма сексистски, но об этом в унисон говорят исторические факты и недавние научные исследования⁶.

Конечно! Разве это сексизм — просто сообщать объективные научные выводы? И вообще, разве существуют

в наши дни сексисты? Или это просто люди, которые признают, что наши мозги и характеры сформированы эволюционными воздействиями, направленными исключительно на репродуктивный успех, а вовсе не на заботу о том, будут ли женщины гонять в чемпионате “Формула-1” или заседать в корпоративных советах? В конце концов, нейробиолог Ларри Кэхилл из Калифорнийского университета замечает:

Настаивать, что каким-то магическим образом эволюция не оказала биологических, основанных на половом диморфизме воздействий на человеческий мозг или что эти воздействия каким-то образом — магическим — мало или вовсе не влияют на функционирование мозга и поведение, — равносильно отрицанию, что эволюция вообще воздействовала на человеческий мозг⁷.

Конечно, по мере того как скапливаются исследования о половых различиях в мозге, аргумент, что половой отбор создал два типа человеческого мозга — мужской и женский, все более крепнет⁸. Возможно, в конце концов Джон Грей был прав, когда утверждал, что мужчины с Марса, а женщины с Венеры? Некоторые ученые утверждают, что хотя средние различия в том, как мужчины и женщины думают, чувствуют и действуют, относительно малы, суммарный эффект очень велик. “Психологически, мужчины и женщины — это почти два разных вида” — заключил один ученый из Манчестерской школы бизнеса⁹. Кэхилл, в свою очередь, предполагает, что этот эффект похож на то, как множество мелких различий между “вольво” и “шевроле

корвет” — небольшие различия в тормозах, скромная несхожесть поршней и так далее — приводят к совершенно различным типам машин¹⁰. Возможно, не случайно, что одна из них — хорошая и безопасная семейная машина с вместительным багажником, а другая создана демонстрировать силу и статус¹¹.

Мы часто ведем себя и говорим так, будто люди категориально различаются по полу: мужчины *такие*, а женщины *эдакие*. В магазинах игрушек отдельные полки (реальные или виртуальные) предполагают, что биологический пол ребенка легко подскажет, какой вид игрушек его заинтересует. Возможно, в соответствии с давлением полового отбора в нашем эволюционном прошлом, “мальчуковые игрушки” поощряют интерес к спорту, состязательность, доминирование и конструирование. А розовые полки с более нежными подношениями из кукол, домашней утвари и наборов косметики вдохновляют два столпа традиционной женственности — заботу и хорошенькую внешность¹².

Некоторые школы хвастаются отдельными классами, аргументируя это тем, что биологический пол формирует полезные категории для педагогических нужд. Например, рекламный слоган школы для мальчиков недалеко от моего дома “Мы знаем мальчиков” предполагает, что, если там однажды появится девочка, это приведет к состоянию глубокого замешательства. “Но мы знаем *мальчиков!*” — видимо, воскликнут учителя в отчаянии.

Множество книг поддерживают послание тома “Мужчины с Марса, женщины с Венеры”¹³ с другими названиями, обещающими объяснить, почему